

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата философских наук Девятко Ивана Владимировича
на тему: «Субстанциальный дуализм в современной аналитической
философии»
по специальности 5.7.2. История философии

Диссертационная работа Ивана Владимировича Девятко посвящена решению ряда историко-философских вопросов, связанных с современными теориями субстанциального дуализма (в частности, определению корректной и технически удобной терминологии для обсуждения теорий подобного рода, разработке их универсальной классификации, реконструкции основных типов и ключевых аргументов для тех или иных версий субстанциального дуализма и т.д.). Она состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы (включающего в себя 126 позиций, в том числе – 91 англоязычный источник). Основные научные результаты диссертационной работы были представлены в виде доклада на профильной секции конференции (IV Конгресс Русского общества истории и философии науки, Вологодский ГУ, ИФ РАН, 2024 г.), коллоквиумах и семинарах ИФ РАН (2024–2025 гг.), а также нашли отражение в 4 статьях в профильных рецензируемых журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ («Философский журнал», «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», «Эпистемология и философия науки», «Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение»).

Актуальность диссертационной работы Ивана Владимировича Девятко не вызывает сомнений. Действительно, после весьма продолжительного спада интереса со стороны сообщества исследователей (и прежде всего со стороны философов сознания), регистрируемого в период со второй половины 1940-х по 1990-е гг., наблюдается академическая «реабилитация» и даже своего рода «ренессанс» субстанциального дуализма. Появляются оригинальные версии субстанциального дуализма (вроде работ Дж.Э.Лоу, У.Хаскера, Р.Ч.Кунса) и ко второй половине 2020-х гг. лагерь его сторонников серьезно разрастается, равно как и сам набор возможных теоретических опций по защите взглядов, отстаивающих существование субстанциального «Я», нематериального по своей природе и не тождественного нашим телам. По этой причине обзорные историко-философские работы, в которых заявляются и решаются задачи систематической реконструкции подобного рода теорий и способов их возможной классификации, являются не только актуальными, но в том числе

и эвристически полезными, поскольку среди прочего они позволяют составить представление об объяснительном потенциале субстанциального дуализма как одной из доступных альтернатив многочисленным физикалистским теориям сознания. Более того, при внимательном знакомстве со сложившейся картиной современной философии сознания удивительным образом обнаруживается, что субстанциальный дуализм может стать своего рода «точкой притяжения» для целого ряда других доктрин (казалось бы, исходно независимых по своим основаниям), вроде томистского гилеморфизма [С. 64–70] и даже дуализма свойств (о чем в диссертационной работе непосредственно не говорится, но для чего хорошими примерами могли бы служить работы Д.Циммермана [Zimmerman D. From Property Dualism to Substance Dualism // Proceedings of the Aristotelian Society (Supplementary Volumes). 2010. Vol. 84. No. 1. P. 119–150. DOI: 10.1111/j.1467-8349.2010.00189.x], С.Шнайдер [Schneider S. Why Property Dualists Must Reject Substance Physicalism // Philosophical Studies. 2012. Vol. 157. No. 1. P. 61–76. DOI: 10.1007/s11098-010-9618-9] и У.Ликана [Lycan W. G. Is Property Dualism Better off Than Substance Dualism? // Philosophical Studies. 2013. Vol. 164. No. 2. P. 533–542. DOI: 10.1007/s11098-012-9867-x; также дополнительно см.: Lycan W. G. Redressing Substance Dualism // The Blackwell Companion to Substance Dualism / Eds. J.J.Loose, A.J.L.Menuge, J.P.Moreland. Oxford: Blackwell, 2018. P. 30–33]).

Диссертационная работа отлично структурирована и согласована с логикой решаемых в ней исследовательских задач. В первой главе [С. 26–43] автор пытается выявить доктринальное «ядро» субстанциального дуализма, своего рода *generic* общий для всех включаемых в его лагерь теорий, очищенный от ряда некорректных и даже откровенно ошибочных стереотипов (наподобие утверждений о том, что субстанциальный дуализм принижает онтологическое и нормативное значение тела [С. 39–40], что он опровергнут имеющимися у нас данными современных нейронаук [С. 40–41], что он целиком и полностью совпадает в своих границах с картезианством [С. 41], что он является простым деривативом религиозно мотивированной теологии [С. 42]). Особое внимание автор уделяет описанию в теоретически нейтральном техническом языке ряда ключевых для субстанциального дуализма понятий (субстанция, субъект опыта и др.), а также формулировке рабочих определений для набора тезисов, образующих доктринальное «ядро» для теорий субстанциального дуализма (о существовании фундаментальной нематериальной субстанции как носителя ментальных свойств [С. 29], о принципиальной неполноте редуктивных физикалистских объяснений сознания [С. 28], о каузальных взаимодействиях нематериальной и материальной субстанций [С. 36]).

Во второй главе диссертационной работы [С. 44–71] автор ставит и решает классификационную задачу, последовательно выделяя и операционализируя критерии, позволяющие построить информативную типологию современных теорий субстанциального дуализма. Выстраиваемая классификация имеет вид квадритомии, основания которой образованы двумя ортогональными осями (по ним предлагается оценивать степень близости теорий субстанциального дуализма к «простому картезианскому дуализму», а также их приверженность метафизическому натурализму при обсуждении вопросов происхождения мыслящей субстанции). Под «простым картезианским дуализмом» автором понимается исключительно операциональный критерий (а не сама конкретная историко-философская доктрина, ассоциируемая непосредственно с трудами Р.Декарта), состоящий из комбинации трех тезисов: о существовании двух нередуцируемых субстанций, различающихся своими модусами; о наличии привилегированного доступа от первого лица мыслящей субстанции к своим ментальным актам; о метафизической независимости этих субстанций друг от друга [С. 53]. Под «метафизическим натурализмом» также понимается операциональный критерий, выраженный в виде тезиса о включении в состав мира одних только «естественных» объектов, свойств, событий и процессов [С. 49]. Отдельное место автором уделяется обсуждению вопроса об условиях, при которых некоторые из теорий гилеморфизма и эмерджентизма могут быть классифицированы нами как версии субстанциального дуализма [С. 59–70].

В третьей, наиболее объемной, главе диссертационной работы [С. 72–158] дается детальная реконструкция и анализ отдельных теорий субстанциального дуализма: М.Ниды-Рюмелин [С.72–77], У.Хэскера [С. 77–85], Т.О’Коннора [С. 85–89], Р.Ч.Кунса [С. 89–95], А.Лаваццы [С. 96–99], Р.Суинберна [С. 99–121] и Э.Дж.Лоу [С. 121–152], – а затем к ним применяются установленные автором классификационные критерии [С. 152–157] и каждая из разобранных теорий получает свое позиционирование в рамках классификационной квадритомии субстанциальных дуализмов. Очевидно, что полученный автором результат предполагается масштабировать, применив разработанную классификацию ко всему имеющемуся множеству теорий субстанциального дуализма целиком. В рамках разработанной классификации каждая из такого рода теорий должна быть отнесена к одному из четырех выделенных классов: (i) «картезианскому натуралистическому дуализму», (ii) «картезианскому религиозно мотивированному дуализму», (iii) «некартезианскому натуралистическому дуализму», (iv) «некартезианскому религиозно мотивированному дуализму».

Основные научные результаты диссертационной работы систематически изложены, детально аргументированы, а также опираются на большой корпус релевантных историко-философских источников и в целом обладают высокой

степенью достоверности. Научная новизна полученных результатов во многом объяснима маргинальным положением, которое длительное время занимал субстанциальный дуализм в рамках текущих дискуссий внутри философии сознания. Предложенное автором диссертационной работы систематическое исследование субстанциального дуализма как отдельного класса теорий в аналитической философии сознания, помимо того, что просто демонстрирует их разнообразие, позволяет выявить и оценить их эвристический потенциал, равно как и возможные направления для их дальнейшего развития в поисках новых оригинальных решений ключевых проблем современной философии сознания.

Представленная к защите диссертационная работа Ивана Владимировича Девятко обладает целым рядом несомненных достоинств:

1.1. Нельзя не отметить масштаб и трудоемкость проведенного автором исследования. Диссертационная работа выстраивается на основе детальной реконструкции и сравнительного анализа весьма широкого по своему охвату диапазона метафизических концепций (от модифицированных неотомистских версий гилеморфизма, наподобие теоретиков «только формы», как Э.Стамп, до различных версий эмерждентизма, вроде концепции дуализма У.Хэскера). Каждый из обсуждаемых в диссертационной работе концептуальных кейсов, автор умело использует для демонстрации релевантности разработанной им универсальной классификации субстанциальных дуализмов. Масштабность проведенного автором исследования имеет также и дополнительную ценность, поскольку в нем рассматриваются и вводятся в активный научный оборот некоторые оригинальные, но часто ускользающие от внимания российских специалистов концепции (в частности, Р.Ч.Кунса, А.Лаваццы, Т.О'Коннора, Э.Дж.Лоу).

1.2. Проведенное автором исследование закрывает часть «пробелов» в имеющейся общей картине лагеря сторонников субстанциального дуализма. Многие современные историко-философские компендиумы [например: *The Blackwell Companion to Substance Dualism* / Eds. J.J.Loose, A.J.L.Menuge, J.P.Moreland. Oxford: Blackwell, 2018] включают разные версии гилеморфизма в состав лагеря сторонников субстанциального дуализма, не давая, однако, при этом ясного операционального критерия, на основе которого мы могли бы принимать решение относительно того, следует ли рассматривать конкретную версию гилеморфизма как разновидность субстанциального дуализма. Этот досадный «пробел» устраняется в диссертационной работе, – в частности, автором предлагается понятный операциональный критерий, включающий в себя (а) возможность *de re* делимости формы от материи, (b) закрепление за формой статуса носителя критериев индивидуации личности, (с) отрицание

тождества субстанциальной формы человеческому организму, (d) признание нередуцируемости каузальных сил ментального к свойствам человеческого организма [С. 70].

Характер и сложность вопросов, рассматриваемых в диссертационной работе Ивана Владимировича Девятко, провоцирует на дискуссию. Поэтому, кроме очевидных достоинств диссертационной работы, следует указать и на замечания, в которых оспариваются некоторые авторские тезисы, решения и выводы.

2.1. При работе над универсальной классификацией субстанциальных дуализмов автор в качестве отправной точки для своих рассуждений берет трехчленную классификацию, предложенную Дж.Фаррисом [С. 33], согласно которой следует выделять и отличать друг от друга следующие типы теорий субстанциального дуализма: чистый субстанциальный дуализм, составной субстанциальный дуализм, композитный субстанциальный дуализм. Отдавая должное этой классификации, автор все же находит ее недостаточной, прежде всего для точного позиционирования современных теорий субстанциального дуализма относительно предложенного автором «картезианского» критерия [С. 156–157]. Надо полагать, данный недостаток классификации Дж.Фарриса во многом и мотивирует автора на разработку собственной классификации. Стоит отметить, что в диссертационной работе рассматриваются и критически разбираются также некоторые другие классификации [С. 45–48], однако, автор находит их неудовлетворительными по тем или иным причинам (историческая мотивированность, неполнота и т.д.).

Несмотря на свои достоинства, авторская классификация, тем менее, как кажется, открыта для содержательной критики. Ее основная проблема даже не в том, что задуманная как четырехчастная (квадритомическая) классификация, она фактически является трехчастной, когда мы накладываем ее на множество актуально имеющихся теорий субстанциального дуализма. По крайней мере, автор предлагает нам объяснение причин, по которым один из типологических классов его классификации – (i) класс «картезианского натуралистического дуализма» оказывается *de facto* пустым множеством [С. 156]. И не в том, что тестовую группу концепций-кандидатов в различные версии субстанциальных дуализмов, используемую в диссертационной работе, можно было расширить за счет включения в нее дополнительных («странных») и достаточно детально проработанных теорий (вроде концепции Н.Натана [Nathan N. M. L. Substance Dualism Fortified // Philosophy. 2011. Vol. 86. No. 336. P. 201–211. DOI: 10.1017/S0031819111000039; Nathan N. M. L. A Map of Selves: Beyond Philosophy of Mind. London: Routledge, 2022]). Проблема скорее в том, что из-за принудительного включения в исходный фрейм разрабатываемой автором

классификации интеракционистского тезиса [С. 36], такая классификация по определению будет исключать из своего состава (а следовательно, и из состава самого классифицируемого пространства теорий субстанциального дуализма) все потенциально возможные версии неинтеракционистских субстанциальных дуализмов (в качестве примеров такого рода теорий можно назвать концепции, включающие тезисы о «параллелизме», «предустановленной гармонии» или какие-то окказионалистские версии субстанциального дуализма). Я предвижу возражение со стороны автора, связанное с указанием на то, что такого рода теории полностью потеряли актуальность, никем не защищаются и актуально в пространстве современной философии сознания не встречаются. Но мне не кажется подобное возражение приемлемым по ряду причин. Во-первых, любая *классификация*, в отличие, например, от процедуры *сортировки*, преследует цель нанести «разметку» в целом на *все* пространство *возможных* решений, доступных нам в той или иной проблемной области. В интересах иллюстрации различий этих двух процедур – классификации и сортировки – приведу очень простой пример. Предположим, мы актуально имеем объекты: красные круги разного диаметра, красные треугольники разных размеров с разными углами и синие круги разного диаметра. В случае *сортировки* мы бы сказали, что есть *три* сорта объектов: (1) «красные круги», (2) «красные треугольники» и (3) «синие круги». Тогда как при классификации мы бы выделили уже *четыре* их класса: (1) «красные круги», (2) «красные треугольники», (3) «синие круги» и, наконец, (4) «синие треугольники». Поэтому для авторской классификации не является проблемой *актуальная* пустота одного из типологических классов его классификации (в частности, класса (i), обозначенного как «картезианский натуралистический дуализм»), поскольку целью его диссертационной работы является именно классификация субстанциальных дуализмов, а не просто их сортировка. Только преследуя такую цель, можно надеяться на прояснение логической географии той или иной дисциплины (в рассматриваемом нами случае – философии сознания) [С. 8]. Во-вторых, я бы не согласился с тезисом о том, что, к примеру, окказионалистские формы субстанциального дуализма являются в данный момент времени исключительно историко-философскими артефактами. Действительно, складывается впечатление, что в современной аналитической философии сознания мы не находим активных сторонников каких-либо окказионалистских версий субстанциального дуализма [ср. с этим утверждение автора о параллелистских теориях как историко-философских артефактах: С. 47]. Однако подобная «невидимость» окказионализма связана во многом с тем, что он, если можно так выразиться, сменил дисциплинарное «гражданство», переехав из философии сознания в область, занятую теориями каузации, где мы наблюдаем вполне оригинальные по своему содержанию

дискуссии [в качестве примеров см.: Plantinga A. Law, Cause, and Occasionalism // Occasionalism Revisited: New Essays from the Islamic and Western Traditions / Ed. N.Muhtaroglu. Columbus, GA: Lockwood Press, 2025. P. 265–283. DOI: 10.2307/jj.36648486.18; Kutach D., Koca Ö. Occasionalism in A Contemporary Context // Occasionalism Revisited: New Essays from the Islamic and Western Traditions / Ed. N.Muhtaroglu. Columbus, GA: Lockwood Press, 2025. P. 305–320. DOI: 10.2307/jj.36648486.20; Lim D. Occasionalism and Non-Reductive Physicalism: Another Look at the Continuous Creation Argument // International Journal for Philosophy of Religion. 2014. Vol. 75. No. 1. P. 39–57. DOI: 10.1007/s11153-013-9412-7]. Иными словами, окказионализм как таковой не умер, а скорее сместил центр своих интересов в область проблем каузации, так что я не вижу никаких особых препятствий для «репатриации» некоторых его современных версий обратно в философию сознания (после соответствующей переформулировки) в виде неинтеракционистских версий «картезианского религиозно мотивированного дуализма» (если, скажем, мы выберем для этого концепцию, наподобие «слабого окказионализма» А.Плантинги). И здесь как раз возникает серьезная проблема для предложенной автором классификации: в ней просто исходно не предусматривается класса, в который мы могли бы отнести такого рода версии субстанциального дуализма.

Возможным выходом из этой ситуации, как мне кажется, могла бы стать какая-то альтернативная авторской классификация. К примеру, мы могли бы в качестве ее основы использовать шаблоны Р.Ч.Кунса [подробнее см.: Koons R. C. Against Emergent Individualism // The Blackwell Companion to Substance Dualism / Eds. J.J.Loose, A.J.L.Menuge, J.P.Moreland. Oxford: Blackwell, 2018. P. 381, 383] и построить с их помощью не менее информативную, чем авторская, классификацию, просто с бóльшим числом дихотомических спецификаторов, которая могла бы охватывать в том числе и любые потенциально возможные неинтеракционистские версии субстанциального дуализма. Необходимыми спецификаторами для различных версий субстанциального дуализма могли бы *ex hypothesi* следующие: *сильный* (души – нематериальные объекты, носители ментальных свойств, отличные и независимые от тела) или *умеренный* (души – нематериальные объекты, носители ментальных свойств, отличные, но не независимые от тела); *чистый* (субъект опыта – просто душа) или *составной* (субъект опыта – составное целое из души и тела); *непространственный* (душа – временная сущность) или *пространственный* (душа – временная сущность, но также расположенная и в пространстве); *теистический* (душа создана Богом) или *натуралистический* (возникновение души как-то интегрировано в естественный порядок); *интеракционистский* (душа вступает в каузальные взаимодействия с телом) или *неинтеракционистский* (душа не вступает в

каузальные взаимодействия с телом) [конкретную реализацию подобного рода классификации см.: Rodrigues J. G. There Are No Good Objections to Substance Dualism // Philosophy. 2014. Vol. 89. No. 2. P. 199–222. DOI: 10.1017/S0031819114000060]. Такая классификация не только бы охватывала возможные неинтеракционистские дуалистические теории, но и, как кажется, обеспечивала бы их намного более точное фракционное позиционирование внутри общего лагеря теорий субстанциального дуализма. К примеру, версия дуализма Р.Декарта, согласно подобного рода альтернативной классификации, специфицировалась бы как сильный теистический интеракционистский непространственный чистый дуализм, а версия дуализма Э.Дж.Лоу – как умеренный натуралистический интеракционистский пространственный составной дуализм.

2.2. Автор диссертационной работы по истории философии, разумеется, не обязан брать на себя бремя защиты каких-то конкретных позиций. Однако, помимо историко-философских и классификационных задач, автор выдвигает также и тезис об эвристической ценности теорий субстанциального дуализма как вполне работоспособной альтернативе многочисленным физикалистским теориям сознания [С. 9, 164]. И такой тезис уже требует поддержки доводами. Ими могли бы стать части текста, в которых автор кратко бы сформулировал и рассмотрел основные (стандартные) возражения против субстанциального дуализма. Мне кажется, это было бы весьма полезным, даже с точки зрения поставленной в диссертационной работе классификационной цели. Ведь пользуясь данными авторской классификации, можно было бы проверить на предложенном тестовом наборе основных (стандартных) возражений теории субстанциального, взятые из разных классификационных ячеек. Возможно (и даже вероятнее всего), мы бы обнаружили, что имеется какая-то корреляция между позиционированием тех или иных теорий субстанциального дуализма внутри авторской классификации и тем, насколько успешно и с какими именно возражениями эти теории справляются. В диссертационной работе уделяется достаточно места обсуждению возражений реконструируемым им теориям субстанциального дуализма, вытекающих из предлагаемых этими теориями решений проблемы ментальной каузации. Но следует отметить, что, несмотря на безусловную важность проблемы ментальной каузации в целом для теорий субстанциального дуализма, набор основных (стандартных) возражений этим не ограничивается. В предлагаемый тестовый набор возражений я бы включил (как минимум) еще два возражения: проблему парного взаимодействия (The Pairing Problem) и проблему индивидуации (The Individuation Problem), – тесно связанные с трудностями обоснования тезиса о метафизической возможности различия двух качественно идентичных объектов *solo numero*.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Девятко Иван Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

доктор философских наук,

профессор кафедры философии, медиа и журналистики

Социально-гуманитарного факультета

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

НЕХАЕВ Андрей Викторович

«__»_____2026г.

Контактные данные:

тел.: +7(982)9215017, e-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

09.00.01 – Онтология и теория познания

Адрес места работы:

625003, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6,

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,

Кафедра философии, медиа и журналистики

Тел.: +7(3452)597710; e-mail: socgum@utmn.ru

Подпись А. В. Нехаева удостоверяю:

Заместитель начальника управления по

работе с персоналом:

_____ Н. В. Машинова